

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

НЕВОЗМОЖНОСТЬ
СТРАСТИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Полянская, Алла.
П54 Невозможность страсти / Алла Полян-
ская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. —
(Опасные страсти. Остросюжетные мело-
драмы).

ISBN 978-5-04-099203-4

Лена заехала домой во время обеденного пере-
рыва и застала хрестоматийную картину: муж в
спальне с лучшей подругой. В тот момент Лена по-
няла: они с Сергеем давно стали чужими, и это от-
личный повод поставить точку в их несчастливом
браке... Но неожиданно мысли о неудавшейся лич-
ной жизни вытеснили другие события — парень в
дорогой одежде, которого они с подругой Ровеной
подобрали на городском пляже. Незнакомец явно
попал в беду и ничего о себе не помнил... Лич-
ность его удалось установить быстро, а вот вопрос,
кто его похитил и зачем стерли память, оставался
открытым. Но не это беспокоило Лену, а то, что
Ровена, ее непробиваемая и никогда не унывающая
подруга, явно проявляет к подозрительному незна-
комцу повышенное внимание. Подруги еще не зна-
ли, что им придется пережить по вине странного
парня, найденного ими на пляже...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099203-4

Copyright © PR-Prime
Company, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Кирпичная стена расплывается перед глазами, но её нужно удерживать. С той стороны осталось всё, что составляло его жизнь, а здесь, за стеной, — только он сам. Голос что-то говорит ему, о чём-то спрашивает, и это длится очень долго, но ему всё равно: за стеной голос почти не слышен, зато он видит вращение планет. Ему надо обязательно рассмотреть, как вращается полюс под его ногами, но полюс остался позади, и он летит, летит в пустоту, Солнце ослепляет его, и глазам больно.

Стена расплывается перед глазами, он напрягает руки, боль — хорошая штука, она значит, что ты жив. Он любит эту боль, потому что она возвращает его туда, где он был. Вот стена, вот кирпичи, их можно считать. А голос грохочет в голове, сбивая его со счёта, но он не слушает — он не должен слышать, в голове гремит рояль, а потом вдруг зазвучал орган, и он замер, спрятавшись в эти звуки.

— Без толку.

Этот голос не гремит. Он звучит совсем рядом, обычный, ничего гремящего.

— Что значит — без толку?! Дай ему ещё дозу!

— Он просто воткнёт, и всё. — Голос звучит насмешливо. — Я могу задавать ему вопросы обычным порядком. Мы же не собираемся его отпустить?

— Конечно, нет. Но обычный допрос может не дать результатов.

— Ну, мы уже попробовали по-твоему — теперь сделаем по-моему.

— Сейчас?

— Сейчас, даже если ему голову отрежу, он не поймёт ничего. — Голос хихикнул. — Нет. Я просто кое-что уколою ему и отправлю спать. Отходняк усилит действие допроса.

— Когда?

— Не раньше чем завтра.

Второй голос грязно выругался, послышались шаги, лязгнула дверь.

— Ну, видишь, дружок, всё вышло как я хотел. — Голос звучит монотонно, из него ушли эмоции. — Кто бы мог подумать... ну да ладно, это даже к лучшему. Всегда надо совершенствоваться, а ты отличный объект для этого.

Укол почти не ощутим, но тело, настроенное как антенна, воспринимает его. Удержаться, удержаться на краю полюса, не лететь во тьму! Если бы не солнце, слепящее глаза...

— Полежи здесь, мы ведь никуда не торопимся.

Его тело ощущает металлическую сетку — она холодная, и это приятно. Хочется нырнуть во тьму, закружиться в хороводе планет, забыть то, что делало его тем, кем он был. Тьма зовёт его, она мягкая и качает его как на волнах. Он снова напрягает руки — боль, пробивающаяся сквозь вязкую тьму, возвращает его туда, где он может ощущать.

Он попытался открыть глаза. Предметы слились в какой-то безумный хоровод, и понять, что его окружает, невозможно. Дёрнув рукой, он понял, что прикован — сознание, норовящее ускользнуть,

такое неустойчивое, словно вода в переполненном ведре, нужно нести и не расплескать и удержаться, удержаться...

Лязгнула дверь, кто-то дотронулся до его запястья, резкая боль, которой он возвращал себя в собственное тело, сменилась саднящей, далёкой, а тьме только этого и надо...

— Поднимайся же!

Голос тихий, совсем рядом, и запах тонких духов.

— Поднимайся, я не смогу тебя тащить!

Прикосновение ткани к телу. Плотная ткань. Рывком поднявшись, он чувствует, как ткань обволакивает его, отгораживая от всего, что снаружи. Он внутри этого кокона, голова совсем тяжёлая, тьма зовёт его и кружит.

— Идём же, идём!

Ступеньки, резкая боль в ступне. Он открывает глаза — серые стены, металлическая лестница, металлическая дверь. Тонкая загорелая рука, толкающая дверь, короткие чёрные волосы, длинная шея, изящный нос с небольшой горбинкой. Тьма отступила.

— Ты кто? — спрашивает он.

— Какая разница?

Тонкие духи, шёлковый топ, хрупкие плечи, тёмные глаза, горящие на смуглом лице.

— Я выведу тебя, беги. Тут берег, спрячешься в зарослях, слышишь меня?

Боль в ступне такая сильная, что тьма отступает и приходит страх. Стены смыкаются вокруг них, и аромат тонких духов кажется запахом умирающих цветов. Мир сворачивается, и становится видна только одна точка — та, что под ногами.

— Иди, слышишь? Иди же! Убегай!

Она толкает его в песок, он расплавленным свинцом вливается в раненую ногу, и мир расширяется. Боль — это твой друг, боль означает, что ты ещё жив.

* * *

Лето превратило жизнь города в ад, полный горячих маршруток, похожих на печи крематория, раскалённого асфальта и мусорных баков, заваленных пластиковыми ёмкостями для воды и прочих напитков.

И только в офисе прохладно, солнечные лучи, пробиваясь сквозь стёкла, теряют свойства обжигать — кондиционеры работают на всю мощность, давая возможность людям нормально дышать и работать. Офисное здание из стекла и бетона, самое современное, самое новое — гордость застройщика и украшение проспекта, который как главная артерия проходит сквозь самое сердце города.

Лена проверила почту и углубилась в чтение документов. Их фирма, объединяющая в себе несколько популярных интернет-магазинов, всегда работает как часы — слаженно, без сбоев и штурмовщины, а ссор и дразг и вовсе не бывает. Лена всегда была непреклонна и жёстко наказывала всякого, кто нарушал это правило. Не можете решить проблему самостоятельно — для этого есть она, пожалуйста в кабинет, будем разбираться. Ах, проблема не связана с работой? Тогда нечего тащить её в офис.

Вошла помощница.

— Елена Юрьевна, к вам адвокат, некий господин Васильев.

Лена недоверчиво взглянула в расписание — всё правильно, никакого господина Васильева там не водилось, иначе она бы запомнила.

— Тамара, зайди и закрой дверь.

Помощница поёжилась под её взглядом — конечно же, она знала, что Лена терпеть не может никаких незапланированных визитёров и встреч, тема которых ей неизвестна.

— Кто такой?

— Елена Юрьевна, я не знаю. — Тамара нервно глотнула, уставившись на неё круглыми испуганными глазами. — Он сказал, что вопрос касается вашей семьи. Вот его визитка, Васильев Олег Владимирович, адвокат.

— Вот как? — Лена досадливо поморщилась. — Подожди.

Она нашла номер матери и набрала его.

— Лена, я в парикмахерской, говорить не могу, — ответила та.

Ну, конечно же, по-другому и не было никогда. Дочь ей всегда мешала, как и все остальные, впрочем. Иногда Лена думала о том, что мать, возможно, была бы совершенно счастлива на месте Робинзона Крузо, который провёл на необитаемом острове двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней. Пожалуй, окажись там парикмахерская и доступные моющие средства, мать не отказалась бы остаться там навсегда. Никто не раздражал бы её.. Может, только попугаи, дикие козы, мотыльки, песок, деревья, море, воздух, облака и бог весть что ещё. И о том, что мать всё-таки не оказалась на этом острове, Лена иногда сожалела. Но не сейчас. Пропустив мимо ушей её фразу, она спросила:

— Ты знакома с неким господином Васильевым, адвокатом?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Этот человек пришёл ко мне на работу и ска-

зал, что у него ко мне дело и оно касается моей семьи. Я подумала, что ты можешь знать, о чём речь.

— Я понятия не имею. — Мать умолкла, и некоторое время Лена ждала, надеясь, что ей надоест разговор и она просто отключит телефон. — Послушай, Елена, не встречайся с теми, кого не знаешь. Может, это мошенник какой-нибудь и...

— Всё, мама, пока.

— Елена!..

Но Лена уже отключила трубку.

Она не может долго разговаривать с матерью — просто не может, и всё. Так было не всегда, но иногда Лена думает, что всё-таки всегда, потому что когда мать рядом, они всё равно практически не разговаривают. Как так получилось, Лена не знает, но теперь этого уже не исправить, а потому она старалась свести общение к самому необходимому минимуму. Чтобы не позволить матери задавать вопросы и вести себя так, как привыкла, и чтобы самой не сорваться.

— Зови его.

Тамара едва не вприпрыжку бросилась из кабинета, и Лена ухмыльнулась. Прежняя помощница удержалась недолго именно потому, что не смогла усвоить одно простое правило: делать только то, что велено, и только так, как велено. Тамара пока справлялась, но сегодня оказалась очень близка к опасной черте и сама это понимала. Ну, что ж, впредь наука.

Человек, вошедший в кабинет, оказался сморчком неопределённого возраста в дурно сидящем летнем костюме. Костюм был средней руки, как и туфли, и портфель, как, впрочем, и сам господин Васильев. Лена кивнула на стул для посетителей.

— Присаживайтесь. У меня есть пять минут, слушаю вас.

Такой тон она выработала очень давно, он отпугивал попрошайек и желающих половить рыбку в мутной воде.

— Думаю, это займёт несколько больше времени. — Голос у Васильева оказался вполне ожидаемым — такой же бесцветный, слегка надтреснутый, он звучал словно из недр костюма, лицо говорящего оставалось неподвижным. — Я здесь по поручению вашей сестры.

— Вот видите, мы уже всё выяснили. — Лена в упор посмотрела на адвоката. — У меня нет и никогда не было ни сестры, ни брата, я единственный ребёнок в семье. И я понятия не имею, кто и зачем направил вас сюда, так что, думаю, наша встреча окончена.

— А разве Варвара Леонидовна Тимофеева — не ваша сестра?

На минуту Лена опешила, но, взяв себя в руки, ответила:

— Впервые слышу о такой.

— Эта женщина лежит в больнице, и, скорее всего, жить ей осталось совсем недолго. И потому она просила меня разыскать вас, и...

— Я вам ещё раз повторяю: я не знаю, о ком вы говорите.

Как она посмела! Как посмела дрянь, разрушившая жизнь их семьи, прислать к ней этого скользкого типа! Права была её лучшая подруга Ровена, когда говорила, что жизнь за всякое зло, незаслуженно причинённое ближнему, оплатит так, что любая человеческая месть покажется детской игрой.

— Но как же так... — Васильев достал из портфеля папку. — Вот же, у меня всё записано. Ваш отец, Юрий Иванович Тимофеев, и Леонид Иванович

Тимофеев — родные братья. А Варвара Леонидовна приходится вам двоюродной сестрой.

— Боюсь, у вас неверная информация. — Лена встала, давая понять, что встреча окончена. — Юрий Иванович Тимофеев, мой отец, и Леонид Иванович Тимофеев, указанный в ваших документах, — никакие не братья. Просто однофамильцы. И у меня, безусловно, нет никакой сестры, ваша клиентка обманула вас. Я была бы вам очень признательна, если бы вы впредь не беспокоили меня такими глупостями.

Лена с наслаждением наблюдала, как сморчок собирает свои бумаги. Что ж, узнать, что стряслось с Варварой, она, конечно, может. Просто не станет. Какая разница, что произошло с той, кто стал причиной многих несчастий её семьи, её первого настоящего горя и навсегда рухнувшего мира, который в момент оказался ложью.

— Дело в том, что сейчас Варвара Леонидовна...

— Я же вам сказала — понятия не имею, кто это такая. Если у вас всё, то я вынуждена попросить вас уйти, у меня очень много работы.

Адвокат вышел, унося свой портфель, а Лена подошла к окну и взглянула вниз. По проспекту снуют машины, ряд каштанов, высаженных вдоль улиц, выглядит заманчиво, но Лена знает: как только она выйдет из здания, жара схватит её и сожмёт в раскалённых тисках. Нет уж, увольте. Да и идти, собственно, некуда и незачем — работы полно.

Лена вернулась за стол, решив выбросить из головы визит адвоката. Она умела отсекать ненужные мысли, сосредоточившись на чём-то другом, вот и сейчас просто углубилась в отчёт и перестала думать о неприятном визитёре.

Зазвонил телефон, и Лена, узнав звонившую, взяла трубку.

— Привет, Ленусик.

Татьяна, тоже лучшая подруга, с которой дружба сложилась ещё в институте — обе грызли гранит науки на факультете прикладной математики. В отличие от Лены, которая ушла в бизнес, закончив дополнительно бизнес-школу в Москве, Татьяна преподавала математику в металлургическом техникуме. Но они сохранили дружеские отношения, и Лена очень жалела о том, что Ровена терпеть не может Татьяну, дав ей кличку Холостая Пуля. У Ровены всегда была привычка придумывать людям прозвища, которые прикипали к ним намертво, словно она видела саму суть человека, извлекая её и облекая в слова. Например, её бабушку, Людмилу Макаровну, Ровена с детства называла Салтычиха — на что та очень обижалась, но так вышло, что прозвище это осталось с ней и после смерти. Вот и к Татьяне обидная кличка тоже прилипла, за что та Ровену просто возненавидела, но это делу не помогло.

— Здравствуй, Тань.

— Ты как сегодня, занята? А то увиделись бы.

— Вечером буду, часам к семи, не раньше. А может, к восьми, у меня машина в ремонте, я на такси сегодня. Давай завтра, я тебе перезвоню.

— Ладно, давай завтра. — Татьяна засмеялась. — Занятая ты наша. Как твои дела?

— Как обычно. Работа-работа...

— С Серёжкой так и живёте в непонятках?

— Ой, Тань, какие непонятки. Всё предельно ясно: он живёт как считает нужным, а я ему в этом не мешаю. Мне вообще некогда вникать во что-то, кроме работы. Всё, оставим этот разговор. Я тебе

завтра перезвоню, когда машину из сервиса заберу, съездим куда-нибудь пообедать.

— Не забудешь?

— Как я могу забыть? Не забуду, конечно. Разве что поменяется что-то, но тогда я тебе обязательно перезвоню.

— Ладно, не буду мешать, до завтра. Удачного дня.

Лена никогда не понимала, отчего Ровена так не любит Татьяну. Её тяготило, что две самые близкие её подруги не ладят и встречаться с ними приходится в разное время. Но с Ровеной было куда как проще... и сложнее одновременно, потому что характер у неё очень колючий. А Татьяна была комфортной — всегда принимала сторону Лены, объясняя это тем, что раз уж дружба, то надо и недостатки принимать. А Ровена недостатков не терпела, и иной раз Лена выслушивала от неё не очень приятные вещи и обижалась про себя — но проходило время, и снова ей звонила. Без Ровены её жизнь теряла остроту.

В детстве, когда их семьи жили в старом дворе, окружённом кирпичными домами, они познакомились на карусели. Им было по шесть лет, стояло такое же лето, возле подъезда пятого дома разгружали мебель, а загорелая девочка в розовом платье, с розовым бантом в длинных белокурых локонах, каталась на карусели, отталкиваясь ногами, обутыми в белые сандалии, в белых же идеальных гольфиках, что было невероятно среди летней пыли. Она была похожа на куклу наследника Тутти, такая же аккуратная и одетая словно на праздник.

Лена зачарованно смотрела на это неземное создание с большими голубыми глазами и маленьким милым носиком, а девочка повернула к ней голову и капризным кукольным голосом спросила:

— Ты тоже хочешь покататься?

Конечно, она хотела. А ещё больше она хотела познакомиться с этой девочкой в таком чистом платье и белоснежных гольфах. И её бабушка Люся, будущая Салтычиха, сказала:

— Посмотри, какая хорошая девочка!

Лена посмотрела. Потом они вместе катались на карусели, и оказалось, что девочку зовут тоже необычно — Ровена, папа у неё художник, а мама — учительница в музыкальной школе. Бабушка восхищённо вздыхала, расспрашивая, откуда они переехали в их двор, и оказалось, что они из Ленинграда, тамошний климат был вреден Ровене.

Как же ошибалась бабушка Салтычиха, когда восхищалась аккуратным платьицем необыкновенной девочки и её белоснежными гольфиками, к которым, похоже, не липла грязь. Как и все остальные ошибались, видя широко распахнутые голубые глазки и золотистые локоны с бантом. И только отец Лены, окрестивший подружку дочери «Чертёнок с пушистым хвостом» — по одноименному мультфильму, — понимал её сущность, как понимал всё на свете. Пока в какой-то момент это понимание не привело его к тому, что их мир рухнул. И тогда именно Ровена смогла удержать в своих ладонях обломки и соединить их для Лены в некое подобие жизни.

«Надо бы позвонить и встретиться. — Лена вздохнула. — Давно не виделись...»

С Ровеной они действительно виделись нечасто. Окончив институт, подруга решила не ждать милости от природы и нырнула в бизнес — открыла небольшую точку на рынке, где торговала одеждой. Через несколько лет у неё уже было три точки, а три года назад Ровена открыла магазин, где торговала той же одеждой, но от модных торговых марок. Там